

Министерство образования и науки Российской Федерации  
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ  
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ  
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ  
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра теоретической  
и социальной философии

**ФЕНОМЕН САМОСТИ:  
ВОЗМОЖНОСТЬ НЕСУБСТАНЦИАЛЬНОГО ПОНИМАНИЯ**  
АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ

магистранта 2 курса 212 группы  
направления 47.04.01 Философия философского факультета  
Котенёвой Дарьи Владимировны

Научный руководитель

кандидат философских наук, доцент \_\_\_\_\_ М.А.Богатов

Заведующий кафедрой

доктор философских наук, профессор \_\_\_\_\_ В.Б. Устьянцев

Саратов 2016

## ВВЕДЕНИЕ

**Актуальность** проблематики исследования связана с кризисом идентичности, обозначившимся как одна из социальных и антропологических проблем современности. Поиск основания, точки единства бытия человека требует смены аспекта рассмотрения феномена социальной самости. В данной работе предлагается, в качестве перспективной альтернативы, уход от субстанциального понимания социальной самости. Предлагаемый нами несубстанциальный подход нуждается в последовательном развёртывании от теоретического аспекта (формы концептуализации) к практическому (опыт самости) и в соответствующем переосмыслении положения понятия самости в поле социально-философской проблематики. Также в данном исследовании предпринимается попытка осмыслить внеисторическую экзистенциальную значимость проблематики самости, находящую выражение в культурно-исторически определённых практиках. Методологическая актуальность работы состоит в попытке высветить исследуемый феномен в целостности его онтологических, герменевтических и практических оснований, что определяет многомерный характер используемой методологии.

**Объект** исследования - самость, понимаемая в несубстанциальном ключе как модус человеческого бытия.

**Предметом** исследования являются экзистенциальные, герменевтические, коммуникативные и социальные следствия несубстанциального понимания феномена самости.

**Цель** исследования: на основе разработки экзистенциальных, герменевтических и коммуникативных следствий несубстанциального понимания феномена самости предложить новый ракурс его тематизации в социально-философском дискурсе.

Достижение обозначенной цели раскрывается в ряде **задач**:

1. Обосновать конституитивность онтологического положения феномена самости путём сопоставления с ограничительным истолкованием субъективности. Рассмотреть самость как первичное отношение в контексте возможности построения диалогической онтологии.
2. Проблематизировать способ говорения о самости, удерживающий её несубстанциальное понимание. Рассмотреть два пути построения речи – стратегии косвенности и усилие говорить от первого лица.
3. Раскрыть практический аспект феномена самости через обращение к античному принципу заботы о себе и его рецепции в современной западной философии; описать конституитивный для практики заботы о себе опыт узнавания своего как не принадлежащий этике обладания.
4. Прояснить существующий способ тематизации самости в социально-философском дискурсе. Сместить фокус рассмотрения социальной самости в несубстанциальном ключе.

#### **Положения научной новизны:**

- Прояснено собственное положение феномена самости вне границ гетерогенного концепта субъекта. Онтологическое устройство самости не может быть редуцировано ни к Я-субстанции, ни к «субъекту». Понятие самости отсылает к исходному феномену, который сущностно предшествует уровню субъекта. Обоснована возможность построения несубстанциальной онтологии самости, исходящей из первичности онтологического отношения Я-Другой, конституитивного для бытия человека. Собственное бытие как само-сущее обретается лишь в первичном отношении Я-Ты, Я-Другой. Самость не дана как нечто наличное. Требуя сосредоточения, предельного бодрствования всего человеческого существа, она есть устремлённость к онтологической возможности дать место присутствовать самому бытию.
- Проведён анализ коммуникативных стратегий, выстроенных ввиду горизонта герменевтики самости. Несубстанциальное понимание

самости проблематизирует возможность построения речи, которая была бы способна сохранить верность этому пониманию и уклониться от объективирующего характера языка. В горизонте герменевтики самости выстраиваются стратегия косвенности, акцентирующая заботу о самостном понимании со стороны адресата сообщения, и стратегия «говорения от первого лица» - усилие преодолеть отчуждающую, объективирующую природу языка.

- Практический аспект самости раскрыт в свете заботы о конститутивном для человеческого бытия узнавании *себя, своего*. Практика самости – это не использование техники и не распоряжение собой. Конститутивное для практики заботы о себе узнавание своего не принадлежит к этике обладания. В понимании своего, самости, на первое место выводится не приватное Я, а отношение к целому миру, узнавание себя в опыте мира.

- Понимание самости в социальной философии прояснено на пути сравнивающего сближения с понятием личной идентичности. Проведено разыскание возможности и потенций несубстанциального понимания социальной самости на основе принципиально открытой структуры последней. Несубстанциальный подход позволяет перейти в понимании социальной самости от сближения с понятием социально обусловленной идентичности, предполагающей базовое противопоставление индивида и общества, к пониманию собственной целостности на основе принципиально открытой структуры. Обособляющее, приватизирующее истолкование индивида и субъекта приводит к невозможности понимания социального. Я-идентичность не является фиксируемым образом, но своего рода организующим началом, принципом в каждой отдельной ситуации заново возобновляемого узнавания «своего».

**Структура** работы включает введение, две главы, содержащие по два параграфа, заключение и список использованных источников.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, даётся формулировка объекта и предмета исследования, характеризуется уровень разработанности проблемы, также формулируются цель и задачи исследования, положения научной новизны. Обосновываются методологическая основа исследования, теоретическая и практическая значимость работы. Указывается апробация основных идей исследования. Описывается структура работы.

**Первая глава работы «Проблематизация самости как основания человеческого бытия»** посвящена разработке тем онтологии самости и герменевтики самости. Онтологический аспект раскрывает конститутивное положение феномена самости, первичного для любой возможной «Я-проблематики», вне территории, размеченной оппозициями субъективного и объективного, внутреннего и внешнего, индивидуального и социального. В горизонте герменевтики самости рассматриваются стратегии коммуникации, акцентирующие задачу подлинного понимания и проблемы, сопряжённые с языковым характером герменевтического процесса.

В первом параграфе первой главы **§1 «Несубстанциальная онтология самости»** проясняются концептуальные основания тематизации и онтологический статус феномена самости. В состоянии концептуальной непрояснённости и усреднённой самопонятности самость помещается в границы внутренне гетерогенного концепта субъекта. Экспликация сущностных черт субъективности (неотъемлемое полагание объекта, тенденция к субстанциализации и абсолютизации, как следствие - объективирование экзистирующего индивида) позволяет вывести понятие самости за пределы концепта субъекта и проявить конститутивное положение самости на онтологическом уровне, предшествующем полаганию субъект-объектной оппозиции. Самость не дана как нечто наличное. Требуя сосредоточения, предельного бодрствования всего человеческого существа, она есть

устремлённость к онтологической возможности дать место присутствовать самому бытию. Найти себя бытийно, во всём своём существе, самость может лишь в первичном отношении Я-Ты, Я-Другой. Это отношение герменевтично - речь в нём идёт о бытии самом по себе. Это внутреннее отношение, двусубъектность самости, истолковывается через формы рефлексивности. У Кьеркегора это - отношение, которое относится к себе самому и вместе с тем к другому<sup>1</sup>. У Сартра самость появляется на горизонте спонтанности сознания как ноэватический коррелят рефлексивной интенции<sup>2</sup>. Самость как бытие-для-себя конституируется через ничто, дыру в бытии. Фелде вводит различие рефлексии, обращённой к центру, ко "мне", и рефлексии к "себе", уклоняющуюся от центра<sup>3</sup>. Обнажается открытость Я, зияние, где оно входит в связь с иным. Коренное смещение акцента с субъектов отношения ("что") на конституитивность самого отношения ("как") составляет основу несубстанциального понимания самости. Ничто входит в это отношение как идеальная дистанция, абсолютное различие, над которым удерживается парадоксальный синтез человеческой экзистенции.

Второй параграф первой главы §2 «Стратегии коммуникации в горизонте герменевтики самости» разрабатывает герменевтические и коммуникативные следствия несубстанциального понимания самости, уклоняющейся от возможности опредмечивания в объективирующих формах языка. Если мы последовательно мыслим самость не в субстанциальном модусе «что», а в модусе «как», то её выражение следует искать не в том, *что* говорится, но в том – *как* говорится. Здесь мы находим два пути, два метода построения речи. Первый – стратегии косвенности, для которых сокрытие лица автора под масками-персонажами или под концептуальными псевдонимами акцентирует собственную экзистенцию собеседника. Второй путь – усилие говорить от первого лица; говорить, удерживая напряжение подлинности,

---

<sup>1</sup> См. Кьеркегор С. Болезнь к смерти / Страх и трепет, М., 2010. - С. 292

<sup>2</sup> См. Сартр Ж.-П. Трансценденция Эго. набросок феноменологического описания. М., 2011. – С. 41

<sup>3</sup> См. Фелде, Ф. Голос друга. СПб., 2010. – С. 61

сопутствующее опыту самости. Проследивая первый путь, мы обращаемся к стратегии косвенной коммуникации Сёрена Кьеркегора. Он выстраивает стратегию косвенной коммуникации вокруг центральной задачи акцентирования самости как необъективируемой открытости вопрошания о собственном основании. Соответственно, способ говорения о самости становится способом установления самостного отношения, снятия форм объективации, и воплощается как негативный (критический) через противопоставление формам забвения самости, или как косвенный - основанная на принципах майевтики косвенная коммуникация. Исследованию подлежит целостное понимание значения псевдонимности в работах Кьеркегора, метод двойной рефлексии сообщения. Задача письменного сочинения - актуализировать вопрошание об истине, послужить поводом и указателем сокрытой области внутреннего экзистенциального опыта. Об эффективном осуществлении стратегии косвенной коммуникации будет свидетельствовать обращение читателя к внутренности собственной субъективности, в которой только и возможно подлинное усвоение экзистенциальной истины.

Второй путь построения речи, исходящий из несубстанциального понимания самости, мы обозначим как усилие «говорить от первого лица». Это выход к пределу языка, попытка прямого сообщения вопреки неустранимости языка-посредника. Этот путь неотделим от напряжения настоящего момента присутствия в устремлённости к тому модусу бытия, который мы называем самостью. Речь, верная себе, в той же мере не является наличной данностью, как и исходный феномен самости. Одна из наиболее ощутимых встреч с усилием говорить от первого лица – чтение «Внутреннего опыта» Жоржа Батая. Говорить от первого лица – значит говорить из захваченности опытом, говорить из настоящего момента. Здесь нет места двойной рефлексии сообщения, как в стратегии косвенной коммуникации. Дистанция, необходимая для возвратного движения рефлексии, стремится в пределе к исчезновению, к обращению в открытость и внятию. Особенность «Внутреннего опыта» - точное соответствие

содержания и способа письма, балансирующее на границе возможности речи, проговаривающее её. Фрагментарность текста, требующая верности настоящей мысли, а не предзаданному проекту, разрешается в предельность текста поэтического.

Во второй главе работы **«Опыт самости в социальном бытии человека»** разрабатываются практический и социальный аспекты тематизации самости. При этом практика понимается не как использование или применение, руководствующееся определенной техникой. Практика соотносится с переживаемым опытом самости, требующим бдительной и внимательной открытости человеческого существа. Это практика формирующая, но без завершения, которое явилось бы окостенением и забвением. Этот переход от результативности к достаточности и полноте совершения соответствует переходу в понимании самости от субстанциального модуса «что» к несубстанциальному модусу «как». Такое понимание практики самости близко к тому, как Пьер Адо определяет духовное упражнение - это «практика, нацеленная на то, чтобы совершенно изменить бытие»<sup>4</sup>.

В первом параграфе второй главы **§1 «Практика самости»** мы обращаемся к античному принципу заботы о себе и его рецепции в современной западной философии. Мишель Фуко<sup>5</sup> отмечает, что этот принцип, важнейший для античности, был несправедливо вытеснен из сферы философской рефлексии. Принцип заботы о себе - ἐπιμέλεια ἑαυτοῦ - порождает ряд практик: от эпикурейских до христианских. Принцип «познай себя» - γνῶθι σεαυτόν исторически трансформировался в гносеоцентрическом ключе, всё более разделяя акт познания и практики заботы о самости. Фуко рассматривает «заботу о себе» в контексте развития античной «культуры себя» - культуры, в которой особой значимостью наделялись внутренние связи с самим собой, отношение к себе. Античный принцип заботы о себе шире

---

<sup>4</sup> Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М.; СПб., 2005. - С. 24

<sup>5</sup> См. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб., 2007. - 667 с

требования самопознания, он порождает целый ряд практик, требующих как одиночества, так и общественной активности. В интерпретации Фуко, общая цель этих практик - господство над необузданными силами и опыт наслаждения собой. Но движение интериоризации, обращения внутрь, Пьер Адо дополняет особого рода экстериоризацией - превзойдением себя до уровня универсализации<sup>6</sup>. Это движение, где мы поднимаемся на более высокий психический уровень и находим иной тип обращения наружу, иной способ быть в мире – осознание себя как части Природы, части универсального разума. Владимир Вениаминович Биbihин выстраивает сферу понимания неразрывности самости, свободы и собственности. Проблема Я формулируется им как проблема *своего*. В свою очередь, проблема *своего* помещается в круг таких тем, как узнавание себя, мир, захваченность и собственность<sup>7</sup>. Конститутивное для практики заботы о себе узнавание своего не принадлежит к этике обладания. В понимании своего, самости, на первое место выводится не приватное Я, а отношение к целому миру, узнавание себя в опыте мира. Возвращение к себе есть обретение свободы. Способность быть собой и долг быть свободным - неразделимые фундаментальные черты положения человека в бытии.

Задача второго параграфа второй главы **§2 «Социальная самость: несубстанциальный подход»** - проследить, как сказывается несубстанциальное понимание исходного феномена самости на его социально-философской тематизации. Прояснение понимания самости в социальной философии, тяготеющей к привлечению междисциплинарного дискурса, ведётся по пути сравнивающего сближения с понятием личной идентичности. Различение в понятии "идентичность" двух смысловых оттенков позволило развести аспект, тяготеющий к формированию и объективации образа себя как

---

<sup>6</sup> См. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М., Спб., 2005 – С. 307

<sup>7</sup> См. Биbihин В.В. Собственность. СПб, 2012. – 536 с.

нечто наличного, и аспект, соответствующий модусу самости. В рамках интеракционизма личная идентичность истолковывается на основе её социальной обусловленности. Как в работах классиков этого подхода, концепциях западных исследователей, так и в современных отечественных разработках базовым полагается противопоставление индивидуального и социального. За самостью закрепляется значение границы, различающей и связывающей эти сферы. Проницаемость этой границы обеспечивается процессами интериоризации и экстериоризации<sup>8</sup>. Личная идентичность становится основанием отличия себя от внешнего мира и остальных людей. Одна из линий критики интеракционизма выявляет утопичность игнорирования конфликта между самостью и общественным окружением, имеющего антропологическую и метафизическую природу<sup>9</sup>. Предлагаемое нами несубстанциальное понимание самости позволяет, сместив акцент на второй смысловой оттенок понятия "идентичность", перейти к пониманию целостности на основе принципиально открытой структуры. Юнгианский подход, разворачивающийся в пространстве аналитической психологии, представляет самость как внутренний регулирующий центр, направляющий процесс достижения психической целостности личности. В социальном аспекте, это делает самость возможным основанием для оптимальной социальной адаптации<sup>10</sup>. Структура самости принципиально открыта, разомкнута. Она требует не обособления, а захваченности миром, узнавания себя и своего в мире. Развёртывание обособляющего понимания индивида приводит к методологической проблеме утраты способов обоснования целостности общества. Как следствие, необходима трансформация механизмов включения индивида в порядок социального. Вариантом иного основания может быть

---

<sup>8</sup> См. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. — С. 210 - 296.

<sup>9</sup> См. Козловски, П. Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия техн. развития. М., 1997. - 240 с.

<sup>10</sup> См. фон Франц М. - Л. Процесс индивидуации / Человек и его символы. М., 1997. — С. 120

обращение к теме ментальности: соотношение социальной ментальности личности и социальной ментальности общества. В.В. Бибихин обращается к пониманию индивида как изначальной неделимости, неотделённости<sup>11</sup>. Самость узнаётся в опыте своего, родного, родового, в пределе раскрывающемся к опыту мира. Таким образом, несубстанциальный поход к пониманию социальной самости предлагает отказаться от введения ряда базовых оппозиций, задающих ракурс обособления и объективации образа личной идентичности. Переход к пониманию на основе принципиально открытой структуры самости и памятования об опыте изначальной целостности задаёт новый горизонт осмысления социального бытия человека.

В **Заключении** подводятся итоги проведённой работы, формулируются выводы и намечаются перспективы дальнейшего исследования.

---

<sup>11</sup> См. Бибихин В.В. Узнай себя. СПб., 1998. - С. 119

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленной работе реализованы задачи, поставленные перед исследованием. Освобождение собственного смысла самости проясняет её положение и значение в обширном проблемном поле философии субъекта. Самость конститутивна для любой возможной Я-проблематики и отсылает к самому основанию бытия человека. Понятие самости не может быть вовлечено в оппозиции субъективного и объективного, внутреннего и внешнего на одной из сторон. Субстантивация, как и объективация, приводят забвению принципиальной открытости структуры самости. Самость не может быть фиксирована в качестве автотетического полюса. Не будучи чем-то наличным, самость есть направленность к онтологической возможности дать место присутствовать самому бытию. Несубстанциальная стратегия мыслит самость не в модусе «что», а в модусе «как». Самость как модус бытия человека, фундаментальная способность и долг быть собой. Проекты рефлексивного понимания природы самости полагают в самом центре бытия человека идеальную дистанцию. Парадоксальность самости в том, что этот разрыв, эта дистанция и является ближайшим и определяющим для бытия человека, основанием его свободы и ответственности. Для онтологического устройства самости конститутивна принципиальная открытость, предельная близость Другого.

В горизонте герменевтики самости рассмотрены две стратегии преодоления объективирующего, отстраняющего характера языка. Первая - стратегия косвенности, делающая позитивное содержание сообщения ускользающим, указывающим за пределы языка. Назначение косвенной речи - побуждение к экзистенциальному акту собственного понимания. Вторая стратегия обозначена нами как попытка "говорить от первого лица". Само говорение - опыт, который может стремиться удержаться в модусе подлинности. Напряжение, сопряжённое с предельностью опыта самости,

сказывается неизбежным столкновением с границами языка. В пределе, самопреодоление языка разрешается в поэтическую речь и молчание.

Незавершённость, недоступность самости для уверенного обладания, сомнение в возможности непосредственного существования в модусе подлинности, породили ряд практик, обозначаемых как "культура себя", направляемая принципом заботы о себе. Существенным является единство движения интериоризации - обращения к себе, уединения внутренности, и движения экстериоризации - выхода на уровень Целого, универсализации, устремлённости к трансцендентной самости. Вопрос о самости трансформируется в вопрос о "своём", в круг таких тем, как узнавание себя, мир, захваченность и собственность. Проводится принципиальное различие привативного смысла собственности и "своего" как причастности к Целому. Соответственно, различаются индивидуализирующее понимание самости и понимание на основе сущностной открытости.

Социально-философское понимание самости, строящееся на междисциплинарных основаниях, сближается с понятием личной идентичности человека. Анализ тематизации самости в рамках интеракционизма и ролевого подхода выявил наличие предпосланного базового противопоставления индивидуального и социального, обособляющее истолкование субъекта социальных отношений. Понимание идентичности как формирующегося в процессе социализации «образа Я» принимает характер объективации, несмотря на то, что субъект мыслится не субстанциально, а функционально. Развёртывание обособляющего понимания индивида приводит к методологической проблеме утраты способов обоснования целостности общества. Несубстанциальное понимание самости требует иного разрешения проблемы внешнего и внутреннего в контексте социального взаимодействия, чем механизм социализации и предлагает перейти к пониманию целостности на основе принципиально открытой структуры. Понятию идентичности противопоставляется как альтернатива отношение узнавания *это ты*.

Фактичность человеческого бытия несёт как исходную причастность, включённость в мир (в том числе и в мир социального взаимодействия), так и разрыв с миром – недостаточность человеческого бытия, требующая самовоплощения и возлагающая всю полноту ответственности на плечи единичного экзистирующего человека. Соответственно трансформируется как социальное, так и онтологическое, антропологическое измерение проблемы свободы, неразрывно связанной с модусом подлинного бытия человека как открытости и захваченности ничем, миром.

Перспективой исследования видится дальнейшая разработка социально-философского аспекта темы. В частности, разработка понимания социальной самости в контексте социальной ментальности и поиск альтернативных способов тематизации процесса социализации.